

щенных Н.А. Васильеву, и опубликованных в журнале «Вопросы философии», Б.В. Бирюков и И.П. Прядко умудряются оперировать фактами без единой ссылки на мою книгу 1988 г. (которая явилась первым биобиблиографическим трудом по Н.А. Васильеву¹⁴), – фактами, которые приведены *только* в этой книге. В то же время Б.В. Бирюков тщательно отмечает малейшие неточности в моих работах (увы, естественные для любого исследователя).

Хотелось бы надеяться, что коллеги будут стремиться действовать по принципу объективности, как и предписывает научный этос. История, в конце концов, всё расставит по своим местам.

Думаю, что логическое сообщество (имея в виду логиков-философов и логиков-математиков) России будет развиваться в духе налаживания и укрепления сотрудничества, взаимной поддержки, взаимного интереса, – в том направлении, в котором естественным образом развивается логическое сообщество на Западе. Все предпосылки для этого налицо. Тогда, наконец, возникнет возможность покинуть «колею», которая уже не одно десятилетие определяет модус существования логики и логиков в нашем Отечестве.

ЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СВОБОДА: ЛОГИКА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ XX – XXI СТОЛЕТИЙ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Место и роль логики в российском обществе – как советского, так и постсоветского периода – достаточно парадоксальны. Ситуация во многом сохраняется и в наши дни. Представляется, что характеристика этой ситуации, ее причин, факторов, обуславливающих ее динамику, тенденций и перспектив на будущее, важна для осмысления существенных характеристик российского духовного и интеллектуального опыта на изломе тысячелетий. Под логикой в работе понимается как логическая культура общества, так и собственно логика как на-

---

¹⁴ См.: *Бажанов В.А.* Николай Александрович Васильев (1880 – 1940). – М., 1988.

учная дисциплина. И очевидно, что между ними имеются важные, показательные и поучительные прямые и обратные связи.

Парадокс первый: И.В.Сталин как «друг» советских логиков

Валентин Фердинандович Асмус — один из немногих, благодаря кому в 1930—1960-е годы был сохранен уровень философского профессионализма в советской России — рассказывал трагикомичную, но представляющуюся чрезвычайно показательной, историю. В конце сороковых, после выхода его учебника по логике, за ним приехали. Ночью. Зная по тем временам, чем это может кончиться, взял он всегда стоявший наготове чемоданчик, распрощался с близкими и пошел. Привезли его в Кремль, в кабинет к Сталину: «Вы профессор Асмус, автор учебника по логике?» — «Да» — «У меня к Вам просьба: научите членов Политбюро и Правительства логике.» — «Как это, Иосиф Виссарионович?» — «А так. Они говорят “значит”, а это ничего не значит. Они говорят “следовательно”, но у них ничего и ниоткуда не следует...».

И В.Ф. Асмус читал Правительству и Политбюро краткий курс по логике. После этой истории логика была введена в школьные программы, но вновь была отменена вскоре после смерти «друга всех логиков». И, очевидно, неспроста. У его наследников сохранились явно специфические отношения с логикой.

История в высшей степени характерная и показательная. В ней, как в капле воды, отразились основные особенности места и роли логики в советском обществе: вопиющее логическое бескультурье социального общения и практики — вплоть до политической в высших эшелонах власти; неукорененность логики в социальной жизни советского общества, практическая не востребованность им логики — сталинская попытка насаждения логической культуры сверху — это исключение, подтверждающее правило.

С достаточным на то основанием можно предположить, что за указанными обстоятельствами скрыты некие характерологические особенности советской, да и постсоветской России.

«Объективка», или CV советской логики

Начнем с науки логики. Невозможно в рамках одной статьи дать полную картину состояния и динамики развития советской логики. Такую важную, интересную и благодарную за-

дачу еще предстоит решать. Но в советских отделах кадров на работников составлялся документ, на канцелярском жаргоне называвшийся «объективка» – что-то вроде краткого *curriculum vitae*. Вот без такой «объективки», беглого очерка, очевидно, не обойтись.

В дореволюционной России логика входила в программы средней школы, обязательно преподавалась в гимназиях, университетах. Авторитетными являются и исследования российских логиков (М.И. Каринского, Н.А. Васильева и др.). Общеизвестно, что идеи Н.А. Васильева предвосхитили формулировку идей многозначной логики, семантики возможных миров. Первой в мире программой курса по математической логике, разработанной на основе «*Principia mathematica*», стала программа молодого П.А. Флоренского, который и содержательнейшие примечания к своей фундаментальной теодицее «Столп и утверждение истины» (1913 г.) строил на аргументации, апеллирующей к аппарату математической логики «*Principia*».

После революции некоторое время сохранялась инерция довольно развитой логической культуры. Орловым были сформулированы только теперь оцененные по достоинству принципы вероятностной индуктивной логики. Независимо от К. Шеннона и даже раньше него Шестаковым была предложена техническая интерпретация логико-математической структуры суждений, которая до сих пор лежит в основе электронно-вычислительной техники. Этой инерции, однако, хватило не надолго. Разгром, учиненный коммунистическим режимом в гуманитарных, социальных, а затем и в естественных науках, с неизбежностью сказался и на логике. Она была выведена из учебных программ средней и высшей школы, за исключением незначительных курсов на юридических и философских отделениях. Традиционная классическая формальная логика как наука о формах мышления, а также математическая логика были залеймены. «Буржуазной» и «идеалистической» логике противопоставлялась «передовая», так называемая диалектическая логика с ее акцентированным интересом к противоречию. Стремление к рациональной конструктивности, строгости и непротиворечивости научной аргументации стало предметом высмеивания и поношения как проявление «буржуазного наукообразия».

Ситуация несколько изменилась после Второй мировой войны в связи с бурным развитием кибернетики, прежде всего – вычислительной техники. В этой связи нельзя не отметить

личную роль академика А.И. Берга, С.А. Яновской, инициировавших интерес к современной математической логике. Из круга молодых продвинутых аспирантов, интересующихся аппаратом современного логического анализа и сложился, ставший впоследствии знаменитым, «московский логический кружок», образовавшийся на философском факультете в рамках студенческого научного общества вокруг окончившего в 1951 г. факультет и поступившего в аспирантуру А.А. Зиновьева. Кружок официально просуществовал шесть лет (1952 – 1958), очень быстро стал одним из центров интеллектуальной жизни Москвы и проделал бурную эволюцию. На разных ее этапах идейными лидерами кружка были А.А. Зиновьев и Г.П. Щедровицкий.

«Московский логический кружок» сыграл исключительно важную и продуктивную роль катализатора, своего рода инкубатора в развитии логической и в целом интеллектуальной культуры послевоенной России. С ним связана начальная стадия деятельности М.К. Мамардашвили – пионера развития феноменолого-герменевтической традиции. Из кружка вышло целое движение методологов, связанное с кругом идей организационно-деятельностных игр Г.П. Щедровицкого, а также с идеями интеллектики и интеллектуальных систем (И.С. Ладенко). Участники кружка так или иначе участвовали в становлении советской прикладной социологии (Б.А. Грушин), прикладной информатики (В.К. Финн, Д.Г. Лахути), активно сотрудничали с математиками, филологами и лингвистами, «тартуско-московской семиотической школой».

В собственно философской среде очень быстро сложилось мощное направление исследований по логике и методологии науки (П.В. Копнин, В.А. Лекторский, В.С. Швырев, В.Н. Садовский, В.С. Степин и многие другие), идеологическим прикрытием которого стала «критика» неопозитивизма (логического эмпиризма), зарубежной аналитической философии и философии науки.

В результате логическая проблематика выступила мощным катализатором самостоятельной, независимой мысли, интеллектуальной культуры в России второй половины XX столетия, в том числе – одним из источников советского и постсоветского инакомыслия (А.С. Есенин-Вольпин, А.А. Зиновьев) и либерализма.

Собственно же логика в советское время организационно сложилась в структуру, имевшую сравнительное небольшое, но

сплоченное ядро, и разветвленную периферию. Ядро составляли отделы и секторы логики и методологии науки в институтах философии Академии наук (Москва, Киев, Новосибирск, Ереван), а также кафедры логики ведущих университетов (московского, ленинградского, уральского, ростовского, киевского и др.). «Периферию» же образовывали философы, получившие логическое образование и занимающиеся логической проблематикой, но работающие на кафедрах философских и других гуманитарных дисциплин, или в средней школе, или в каких-то научных учреждениях, или на производстве, в органах управления. В результате вокруг «ядра» сложилась довольно развитая, «глубоко эшелонированная» система обороны и поддержки, обеспечивающая относительно спокойное развитие логической субкультуры.

Репрезентативными для этого развития являются исследования В.А. Смирнова, Е.Д. Смирновой, Е.К. Войшвилло и сложившейся вокруг них школы московских логиков; И.Н. Бродского и О.Ф. Серебрянникова, инициировавших интенсивное развитие логики в Ленинграде, М.В. Поповича и его сотрудников в Киеве, И.С. Ладенко, В.В. Целищева в Новосибирске и др. Регулярно проводились всесоюзные конференции по логике и методологии науки. Также проводились тематические конференции и семинары: всесоюзные, региональные, межвузовские. Их материалы публиковались в сборниках тезисов, статей, в обзорах.

С конца 1970-х годов начались все более интенсивные контакты с зарубежными коллегами-логиками Польши, восточной Германии, Финляндии. И по мере развития контактов все более явным становилось удивительное, на первый взгляд, обстоятельство: в условиях относительно спокойной и оживленной научной жизни серьезных новых результатов в советской логике получено не было. Почему?

Парадокс второй: респектабельность с нулевым результатом

В общем виде динамика развития логики, как и любой другой научной дисциплины, определяется тремя группами факторов. Во-первых, это факторы эпистемогенные (проблемы, темы, концепции), т.е. внутренние факторы становления и развития научной дисциплины. Во-вторых, это организационные факторы: социально-организационные аспекты, формирование школ, направлений, выдвижение лидеров, вербовка учеников, организация формального и неформального общения,

проведение конференций и семинаров, публикации, подготовка специалистов, public relations и другие факторы развития дисциплины. Наконец, в-третьих, это факторы культурогенные, связанные со «вписыванием» науки логики в совокупную культуру общества: социальное значение логики, престиж науки и профессии и т.п. Действие этих групп факторов образует сложную систему взаимостимулирующих связей и отношений, обеспечивающих интеграцию логики в интеллектуальную культуру и общественную практику и жизнь общества в целом.

При рассмотрении эпистемогенных факторов развития советской логики в глаза бросается ориентация исследований преимущественно на логический синтаксис, слабое (по сравнению с зарубежными исследованиями) развитие логической семантики и особенно логической прагматики. За редким исключением, общей чертой являлся уход от острых мировоззренческих вопросов. И это притом, что, как показал мировой опыт, широкое мировоззренческое осмысление — необходимое условие развития собственно логической техники. Убедительным примером является семантическое обоснование систем модальной логики, развитие вероятностной, эпистемической и других неклассических логик, семантики возможных миров в различных ее интерпретациях. Логическая рационализация и формализация вторичны по отношению к концептуализации, к осмыслению. Лишенная этой питательной среды, а возможно, и отказывающаяся от нее сознательно, советская логика оказалась обреченной на вторичность по отношению к зарубежному опыту и исследованиям, по отношению к математике, прикладным исследованиям. За исключением единичных личностных прорывов, серьезных результатов советскими логиками получено не было. Сформировался даже своеобразный комплекс неполноценности перед зарубежными коллегами, а также математиками и специалистами по искусственному интеллекту, перед программистами.

На первый взгляд, существенно негативную роль в этом сыграли организационные факторы, развитие которых до сих пор находится, фактически, в зачаточном состоянии. Сохраняется *minimum minimumum* организационных условий воспроизводства логики. Кафедры логики имеются не во всех университетских центрах, объем публикаций чрезвычайно ограничен. За все советское время в стране не было и до сих пор нет ни одного специального логического журнала (для сравнения: в одной только небольшой Польше таких изданий четыре). А два

основных философских периодических издания «Вопросы философии» и «Философские науки», да еще украинская «Философская и социологическая мысль» (двуязычная с начала 1980-х годов), логической тематике уделяли весьма скромное место.

Все это, вроде бы, должно было сдерживать развитие логического профессионального научного сообщества. В реальности же, однако, имела место обратная ситуация. Логическая научная субкультура была одной из наиболее устойчивых и развитых в советской философской культуре. Имелись общепризнанные авторитетные лидеры. На логические циклы философских факультетов рекрутировались наиболее способные, активные и продвинутые студенты. Как уже отмечалось, сложилась чрезвычайно развитая «неявная» структура сообщества, образовался широкий круг «скрытых» логиков – специалистов, получивших логическую подготовку, но занятых в других философских дисциплинах, тяготеющих к логике не только в проблемном, но и в коммуникативно-личностном плане.

В этой связи и можно констатировать второй парадокс советской логики: довольно бурная и эффективная организационная активность, сложившееся развитое научное сообщество, наличие респектабельной науки и ... практическое отсутствие интеллектуальной продуктивности, серьезных оригинальных научных результатов. Наиболее значимые работы (Н.И. Стяжкина по истории математической логики, А.А. Зиновьева по теории логического следования, А.А. Ивина по логике норм и оценок, И.Н. Бродского по отрицательным высказываниям, О.Ф. Серебрянникова по натуральным исчислениям, Я.А. Слинина по модальной логике, Э.Ф. Караваева по временной логике и др.) носили характер, по преимуществу, добротных систематизаций – не менее, но и не более.

Можно предположить, что в парадоксальности этой сложившейся ситуации решающую роль играют культурогенные факторы, компенсирующие слабость факторов эпистемогенных и организационных. Но здесь нас подстерегает следующий парадокс, как представляется – центральный и главный. Дело в том, что собственно наука логика развивалась в как бы культурном вакууме, в полном отрыве и даже в диссонансе с логической культурой советского общества. Ярким выражением этой парадоксальности и является история В.Ф. Асмуса.

Главным нервом бытия советской логики являются культурогенные факторы, определившие как особенности ее со-

циального бытия, так и дисциплинарное своеобразие. Поэтому, для дальнейшего серьезного разговора, необходимо определиться в вопросах: каковы факторы, вызывающие к жизни логическую теорию и практику, при каких условиях логика востребуется обществом? Кому и зачем нужна логика? Наверное, только после ответа на них можно серьезно и ответственно говорить об источниках парадоксального своеобразия советской логики.

Кому и зачем нужна логика?

Роль логики в истории культуры и условия ее востребованности

Если нашу цивилизацию уподобить железобетонной конструкции, то логика будет одной из главных арматур, задающих конфигурацию и жесткость всей конструкции. И эта метафора не так уж метафорична, как может показаться. Индустриальная и постиндустриальная, технотронная цивилизация коренятся в «прометеевско-фаустовской» культуре *Abendlandes*. Великие индийская и китайская культуры, при всех их интеллектуальных, духовных и даже технических открытиях и достижениях, не смогли дать такого мощного импульса, как культура Запада. В основе же этого мощного духовного импульса лежат две великие идеи: иудео-христианская идея монотеизма и древнегреческая идея рациональности. Именно духовная встреча Иерусалима и Афин до сих пор определяет облик современной цивилизации.

Как говорил Н.А. Бердяев, если есть дух этой реки, дух этой горы и этого дерева, корабли не поплывут, а самолеты не полетят. Политеизм, анимизм не могли быть духовной и интеллектуальной основой развития науки и техники. Такой основой могло быть только сознание того, что мир един, создан единой волей по единому замыслу и нам дана способность попытаться уяснить детали этого замысла. Роль интеллектуальной техники и выполняла логика — одно из главных достижений древнегреческой философии. Сначала логическая практика анализа рационального содержания оттачивалась на интерпретации Священного Писания, а чем дальше, тем больше — использовалась применительно к самой реальности. Возникновение *science* хронологически совпадает с охотой на ведьм. «*Novum Organum*» Ф. Бэкона — современник «Молота ведьм» Шпенглера и Инсистериса. За ними стоит один и тот же духовный импульс — человек может познать происходящее не только интерпретируя тексты, но и задавая вопросы, буквально «пытая»

самую действительность. Кстати, тот же «Молот ведьм» и написан фактически как экспериментальная методика. От «о-пытного» экспериментального знания оставался один шаг до деизма с его представлением о мире как машине, созданной и запущенной творцом. И этот шаг был сделан весьма быстро, так же, как и следующий, отбрасывающий «гипотезу Бога» и сообщающий человеку героико-прометеевский образ Инженера, преобразующего мир в соответствии с познанными законами этого мира.

Великая идея рациональности во всем многообразии ее содержания (конструктивность, эффективность, непротиворечивость, общезначимость etc.) так или иначе, но восходит к логическим принципам и технике доказательства. Логическую сердцевину имеет математика, являющаяся языком научного анализа — это убедительно продемонстрировала проблема оснований математики, породившая современную математическую (символическую) логику. Более того, сама эта математическая логика оказалась основой создания и развития электронно-вычислительных машин. Речь идет не только о программах, но и о «железе»: именно электротехническая интерпретация логических функций лежит в основе ламповых, полупроводниковых и чиповых технологий создания компьютеров. Логика — арматура современной цивилизации в самом буквальном смысле слова.

Что же обусловило само возникновение логики и почему она наиболее полно оформилась именно в исторически краткий период существования афинской демократии? При всей своей абстрактности логика — самая что ни на есть эмпирическая наука. Это хорошо понимает любой, державший в руках аристотелевские «Аналитики», «О категориях» и «Об истолковании». Логика — не плод воображения Аристотеля, не нечто придуманное для внедрения в практику. *Логика — это обобщение опыта эффективной аргументации.* И тогда ответ на вопрос «зачем и почему возникает логика?» зависит от ответа на вопрос «когда и зачем людям нужна эффективная (рациональная) аргументация?». И ответ этот достаточно очевиден: когда у людей есть интересы, которые они могут публично отстаивать и продвигать, обсуждая с другими. При каких условиях это может быть реализовано?

Во-первых, при наличии у людей какой-то собственности, с которой и могут быть связаны какие-то интересы. Как го-

ворил Ортега-и-Гассет, человек — это человек и его обстоятельства — то, что находится в зоне свободы и ответственности человека и определяет его интересы, мотивы, намерения и возможности.

Во-вторых, это существование «Рынка», буквально — базара, торжища, на котором люди могут своей собственностью и прочими «обстоятельствами» обмениваться, торгуясь относительно их ценности.

В-третьих, это «Форум», т.е. возможность публичной правовой процедуры разрешения возможных столкновений интересов и споров, т.е. сложившаяся политическая и правовая культуры.

В-четвертых, это «открытость общества», т.е. реальные контакты с людьми иных культур, когда людям, говорящим на разных языках, придерживающимся разных верований, носителям разной нравственности и т.п., надо стремиться понять друг друга, чтобы о чем-то договариваться.

Именно эти условия сошлись в VI в. до н.э. в античной Греции — нации торговой, живущей на перекрестке цивилизаций и именно в демократических Афинах.

И именно эти необходимые и достаточные условия восребованности рациональной аргументации практически отсутствовали в СССР. С его изоляционизмом, закрытостью для внешних контактов, обездоленностью населения, внерыночной распределительной экономикой, отсутствием демократии и правовым нигилизмом. Отсюда и соответствующий уровень логической культуры.

Социальная алогичность и «логика больше чем логика»

Сформулированная Сталиным в его ночной беседе с В.Ф. Асмусом проблема «значит» и «следует» сохраняется до сих пор. Трагикомична неспособность к связности речи и мысли. Вязкость — да, связность — нет. Российские споры до сих пор — монологи глухих. Полемика доминирует над дискуссией, поскольку целью является не прояснение позиций и поиск оптимального рационального решения, а победа в споре. Российские полемисты не стремятся к истине, для них главное — уязвить, унасекомить другого, навесить на него ярлык и — явно или не явно — доложить властям о его прегрешениях. Логикой тут и не пахнет. Стремления быть понятым и убедить нет и в помине. Более того, попытки внятной аргументации или даже просто культурная речь

вызывают органическое неприятие и агрессию. Сохраняется только «ага-узнавание» хорошо известного, реакция на ключевые слова, на то, кто их произносит и с какой интонацией.

Можно говорить о вопиюще торжествующем логическом бескультурье — в быту, в деловой активности, в политической жизни. Многословье при отсутствии аргументации по существу дела, неумение мыслить конкретно, безответственные решения, неспособность привести законы в соответствие друг с другом, неспособность определить предмет договора или спора, свою собственную позицию — являются излюбленной темой юмористов, поражают иностранцев, ставят под вопрос успех любого дела. И логика, призванная давать гарантии понимания, разумного мышления, общения и действия, в упор не воспринимается и даже отторгается. И никто не вызывает по ночам профессора логики.

Недавняя попытка ввести логику в учебный стандарт высшей школы закончилась ничем. Зато правительственный чиновник, отвечающий за государственные стандарты гуманитарного образования вызвал бурное оживление зала на совещании 1996 г. в Санкт-Петербурге своим обращением к залу: «Ну, должна же быть какая-то наука, изучение которой научит наших выпускников правильно формулировать и излагать свои мысли».

Почему же при отсутствии естественных необходимых и достаточных условий формирования и развития логической культуры в советской России в ней довольно активно развивалась логика, решавшая сугубо эзотеричные проблемы логико-математического синтаксиса?

Идеологический нажим на интеллектуальную и духовную культуру, на философию прежде всего, неизбежно способствует росту привлекательности логики как рациональной интеллектуальной деятельности, приобретающей в атмосфере всеобщего полужнания образ оазиса философского профессионализма. Более того, логика приобретает статус чуть ли не единственной в философии экологической ниши, относительно независимой от идеологии сферы профессиональной мысли. Иначе говоря, часть здоровой интеллектуальной элиты под воздействием специфических культурогенных факторов, прежде всего — мощного внешнего идеологического прессинга, и образовала весьма своеобразное научное сообщество, каковым была советская логика 1950–1980-х годов, и для которого логика была «больше чем логика».

Насилие: механический аргумент и *argumentum ad mortem*

Разумеется, многое в этом печальном опыте предопределило многолетнее засилье коммунистической идеократии, когда работа ума ограничивалась простыми инвентаризациями от знаменитой ленинской «Жучка – собака» до «буржуй – не буржуй», «наш – не наш». Умозаключения при этом практически отсутствуют или заменяются конструкциями лозунгов типа: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» и «Народ и партия едины», следовательно, «Партия – наш рулевой». На этом фоне объяснима и тяга к извращенному пониманию диалектики, культовое отношение марксистско-ленинской философии к противоречию. В расхожей практике оно оборачивалось интеллектуальной вседозволенностью и безответственностью. Из А и не-А следует все что угодно. Противоречие всегда ложно. Поэтому разум, не способный понять нечто определенно, найти ему объяснение, апеллирует к противоречивости действительности: диалектика, мол, такова.

Можно, конечно, свести дело к трагикомическому обороту. Единственная, мол, четверка в аттестате у младшего Ульянова была, как известно, по логике. Вот нелады вождя с логикой и сказываются. Дело, однако, как представляется, серьезней. В свое время выдающийся российский популяризатор логики С.И. Поварнин, обобщая нечестные приемы спора, отмечал уловки «механического» характера. Когда незадачливому спорщику приходится туго и он начинает чувствовать, что полемика ему не по силам (то ли позиции слабые, то ли соперник сильнее или просто прав), тогда и прибегают к «механическим» аргументам. Выход из спора, срыв полемики, не стесняясь в средствах – это и есть «механическая» аргументация. К ней Поварнин относил и донос – апелляцию к городовому, и прямое насилие – «палочные доводы». Добавим, что разновидностью «механической» аргументации является *argumentum ad mortem*: апелляция к смерти, угроза смертью, а то и прямое убийство. Классиком теории и практики *argumentum ad mortem* был все тот же Сталин: «Есть человек – есть проблемы, нет человека – нет проблем», «Смерть решает все проблемы».

Подобная «аргументация» – проявление не только полемической несостоятельности. Она свойственна людям, не владеющим истиной, чьи мысли и сознание не адекватны реальности. Поэтому насилие над реальностью, над другими людьми

ми — единственный их довод. Абсурдное сознание порождает абсурдные аргументы, которые приводят к абсурдным действиям. Августовский путч 1991 г., октябрьские события 1993-го, Чечня, отстрел бизнеса, террористические акты и реакция на них — очевидные тому примеры.

Логика, свобода и ответственность

«Механический» аргумент — любимый довод самозванцев всех мастей, делающих других счастливыми помимо, а то и вопреки их воле, но от их имени. Российская история потому и неменяема, что ее некому вменить. Культура самозванцев: недоучившихся семинаристов, экстернов, совдеповских полужнаек, «народных академиков», «экономистов». Логика — ядро не только интеллектуальной культуры. Логично, значит, — рационально, конструктивно, значит, — общезначимо, апеллирует к взаимопониманию и общепринятым правилам рассуждения. Логично — убедительно, потому что доказательно, реализуемо, потому что истинно. И потому логично, значит, — вменяемо и ответственно, т.е. проверяемо и конкретно. Не случайно стоики так сближали логику и этику. Логическая и нравственная культуры — две стороны единства человеческой свободы и ответственности.

Российско-советский же духовный опыт фактически не знает идеи свободы. Его содержание, специфика которого определяется особенностями хозяйствования, экономической и политической истории, спецификой восточного христианства и славянской мифологии, и выражается в дискурсе обыденного опыта, фольклоре, искусстве, философии, всегда отличалось нравственным максимализмом в сочетании с правовым нигилизмом, эскейпизмом, доходящим до эсхатологизма и смертобожия, пренебрежение человеческой жизнью в этом мире во имя мира иного (потустороннего или в светлом будущем). Как следствие этого — пренебрежение систематическим трудом по сравнению с богоподобным творчеством, личностью — по сравнению с коллективной общностью. Это духовный опыт не свободы, а воли. Отсюда особая озабоченность вопросом власти, с которой связываются любые, даже частные проблемы.

Свободный человек относится к другому как к такому же свободному, учитывая его интересы, вступает в диалог и ответственные отношения. И ему нужна логика. Самозванцу она не нужна. Его воля не ограничена (не определена) свободой. По-

этому он неменяем. Ему нужны только идея, лозунг и действия. Свобода воли как воля к неволе. А кто не с нами, тот против нас. Другие для него – такие же неменяемые самозванцы: слушать их, говорить с ними незачем. Кого в этой ситуации может интересовать рациональная аргументация? «Ты начальник – я дурак. Я начальник – ты дурак». И все. Какая еще нужна аргументация? Самый эффективный довод – «механический»: жезл Ивана IV, дубинка Петра I, пистолеты и бомбы народовольцев, «диктатура пролетариата», саперные лопатки, танки, заказные убийства, ракет...

Логика может быть востребована только свободными людьми и обществом, гарантирующим с помощью права их свободу и взаимответственность. Логика и право идут рука об руку. Следствие, если оно цивилизовано, а не построено на «механике» выколачивания и выдавливания признаний и показаний, суд, если только он не совдеповский фарс, гражданское общество и правовое государство – живая среда живой логики.

Логика основана на определениях, буквально – ограничениях, мысли, оперирует определенными терминами. Термином в античном Риме назывался межевой камень, указывающий границы надела. Логика, как и право, ставит границы, пределы произволу мысли и действия, ограничивает волю, превращая ее в свободу. И наоборот, – ответственность перед законом предполагает свободу воли. Если нет свободы выбора, то и отвечать не за что. Именно поэтому право полагает людей свободными, вменяемыми, предполагает возможность убеждения и согласия, договора, а, следовательно – логически упорядоченные мысль, речь и письмо.

Argumentum ad absurdum, или исход советской логики

Справедливость приведенных рассуждений своеобразным методом от противного (*ad absurdum*) доказывает сама эволюция советской логики в «перестроечное» и «пост-перестроечное» время.

В ситуации духовного обновления общества, демократизации и раскрепощения сознания неестественный, «перегретый» интерес к логике падает и она переходит в естественный режим своего бытия. При этом на передний план должны выйти организационные факторы, становящиеся решающими: уровень компетентности лидеров, возможность полноценной подготовки специалистов, нормальный режим публикаций, их

международная экспертиза — все то, чего как раз была лишена советская логика.

Что и сказалось в наши дни. Снятие внешнего пресса, обеспечивавшего центростремительное воздействие на логическую научную субкультуру, породило мощный импульс центробежных сил. Как тараканы на свету логики прыснули в разные стороны, наконец-то занявшись тем, чем не могли заниматься раньше. И вот А.А. Зиновьев уже полностью переключился на публицистические сатиры, М.В. Попович — на творчество Гоголя и текущую политическую жизнь Украины, А.Л. Субботин переводит Мандевиля, В.В. Целищев с головой уходит в английский нонсенс, Ю.Н. Солонин — в культурологию и политику, В.А. Карпунин — в креационизм и богословие, социологию и политологию. Это лидеры. А что же тогда говорить о молодежи? Существование логических циклов на философских факультетах под большим вопросом. Студенты предпочитают шизоанализ, деконструктивизм. Логический анализ объявляется устаревшим бинарным дискурсом. Ж. Деррида во время одного из посещений России заметил, что в России постструктурализм, похоже, значит нечто большее, чем постструктурализм. История повторяется.

Для тех же, кто продолжает заниматься логикой, демонстративное ограничение математизированной логикой обращивается против них самих, точнее — против российской логики. Дальнейший отказ от философской, семантико-прагматической тематики чреват деградацией научной логической культуры, в лучшем случае — вытеснением ее на периферию исследований искусственного интеллекта.

Последний парадокс, надежды и главная проблема

Вместе с тем, вызрела еще одна очень неприятная для логиков парадоксальность. По мере трудного, тягучего, но все-таки становления нового российского общества, появления пусть болезненных, хилых, но все-таки ростков рыночной экономики, политической демократии, правовой культуры, — в российском обществе зреет интерес к логической культуре, востребованность логики. На различных курсах подготовки и переподготовки менеджеров различного профиля, по запросам самих слушателей вводятся теоретические курсы и практикумы по логике, раскупаются переиздания старых учебников.

Парадоксальность ситуации заключена в том, что профессиональное сообщество, логики-профессионалы оказались не

готовыми к такому повороту. Дело в том, что все более востребованной становится логика отнюдь не математическая, которой они с гордостью посвященных все это время занимались, а традиционная «человеческая» логика — теория и практика эффективной аргументации. И многие специалисты, поджав губы, считают ниже своего достоинства вести подобные курсы. В результате, логику зачастую читают энтузиасты-дилетанты или просто случайные люди. Наверное, это неизбежная болезнь роста. Главное, что «процесс пошел», постепенно в российском обществе отрастают реальные ткани естественной, а не парниковой логической культуры.

Феномен советской «логики больше чем логики» исчерпал себя. А собственно логика как естественное порождение логической культуры общества еще должна созреть и зерна ее уже прорастают. Но... российский человек до сих пор не является хозяином своей жизни. Границы его свободы, а значит и ответственность, иногда совпадают с границами кожно-волосного покрова, он существенно лишен самоопределения. Он неопределен, а значит — невменяем. Потому что обездолен. Буквально: лишен доли. А значит — он не хозяин своей судьбы. В этом плане показательны результаты приватизации, в результате которой свыше 80% населения оказались за чертой бедности, а экономический занавес оказался крепче и жестче «железного» и пролегал даже внутри страны, прервав экономические, научные и человеческие связи.

В античной Греции были непрекаемые богини судьбы — мойры. Даже Зевс их побаивался. Но по-гречески «мойра» — это все та же граница земельного надела. Только обладая долей, человек обретает судьбу, мойру. Он становится способным к самоопределению, к сознанию собственных интересов, к осмыслению своих отношений с другими людьми и, следовательно, — к ответственным решениям и логичному мышлению.

Логика — квинтэссенция единства живой экономики и права, итог, результат, продукт их как практики и гарантии свободы. Здоровая ткань подлинной, не эфемерной логической культуры, возникает и растет только вместе с ростом вменяемости личности и общества. Вменяемость же — как разумность и ответственность — следствие свободы и определенности мойры. Только можно ли в России обрести долю-мойру, не прибегая к «механической» аргументации?